

УДК 930:398.224(045)

*С.В. Козловский***ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЕГО ВРЕМЯ: ИСТОРИОГРАФИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА БЫЛИННОГО ГЕРОЯ**

Историческая память в текстах и практиках проявляет себя неоднозначно. Не всегда можно верить даже письменным источникам. Былинной традиции повезло: есть множество версий эпических текстов, прошедших проверку временем, отсеявшим всё, что считалось неправдоподобным. Но былины испытали на себе и негативное влияние времени, проявившееся в дополнении, переосмыслении, а также утрате отдельных частей текста. Поэтому историческое изучение их невозможно без реконструкции, определения текстов по времени появления и связи с социальной практикой соответствующего периода. Между былинами и летописями лежит пропасть, отражающая разницу в восприятии событий, но, в то же время, их связывают общая социальная практика, исторический антураж, показывающие принадлежность былины к определённому времени и пространству. Антураж эпохи наиболее связан с образом героя. В статье рассматриваются попытки и перспективы изучения былинной эпохи на примере образа Добрыни Никитича.

Ключевые слова: былины, социальная практика, историография, образ героя.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-565-573

Образ Добрыни неоднороден, многослоен и крайне противоречив. В нём воплощён не эталон вольного рыцарства, подобный образу Дуная, способного отъехать в чужие земли, когда ему вздумается. Он — придворный, доверенное лицо, «княж муж»; его честь — это верность княжеской семье; но сословные правила (рыцарского поведения) для него не пустой звук и им не оспариваются [7, с. 244]:

*«Не честь мне хвала да молодецкая,
А бить мне-ка сонного что мертвого».*

Это выражение можно сравнить с отмеченным в летописях правилом Святослава Игоревича, имевшего обыкновение предупреждать о своих походах: «Иду на Вы».

Историография былин о Добрыне более развита, чем о каком-либо другом богатыре русского эпоса. Отчасти это связано с многочисленными упоминаниями героев под этим именем в письменных источниках, что побуждало учёных учитывать «историчность» персонажа [30, с. 343–360]. Разброс мнений относительно времени, к которому необходимо относить этот образ, охватывает в зависимости от сюжета весь период складывания былин: от Киевской Руси до событий Смутного времени, т. е. XVII в. включительно, — поскольку по косвенным признакам определить его принадлежность невозможно: «В науке нет общепринятых представлений об основополагающих признаках государства, отличающих его от догосударственных образований» [25, с. 227]. Исходя из вышеизложенного, необходимо рассматривать не столько историографию образа Добрыни вообще, сколько спектр научных мнений о сюжетах с его непосредственным участием как главного действующего лица.

Одним из первых осмыслить образ Добрыни попытался К. С. Аксаков, указавший на противоречия в образе «добра молодца», который казнил Маринку, убил Змея и его детёнышей, но пощадил жизнь неверных врагов, хотя получил разрешение стрелять по ним. По мнению Аксакова, такое поведение обусловлено корпоративными правилами как «обычай всех богатырей того времени» [1, с. 100]. В отличие от него, А. Н. Афанасьев [2, с. 529] уделил внимание не Добрыне, а Змею, отметив сходство подвига Добрыни с подвигами Зигфрида, Беовульфа и Крока по месту его совершения, всегда связанного с горными пещерами. Рассуждая о механизмах возникновения мифа, Ф. И. Буслаев указал на особую роль Добрыни как победителя огненного змея: «Многие мифы основаны на мысли о конечном истреблении зла. Так, наши богатыри, подобно греческому Геркулесу, истребляют чудовищных врагов и очищают Русскую землю от всякого сверхъестественного зла. Добрыня убивает огненного змея, Илья Муромец очищает дорогу от Соловья-Разбойника» [3, с. 56]. Уже Ф. И. Буслаев выделял в «мифологическом сказании» следы наслоения: «Борьба Ильи Муромца с Соловьём Разбойником, а также битва Добрыни с бабою-Горынынкою может относиться к первобытному мифологическому эпосу, но сословные отношения этих двух богатырей друг к другу внесены во Владимиров цикл уже гораздо позднее»

[4, с. 86]. Для Л. Н. Майкова [16, с. 120] Добрыня, прежде всего, княжич. Все черты его, по мнению учёного, лишь подчёркивают высокое происхождение — вежливость, грамотность и др.

Оценивая русские былины с позиции теории заимствований, В. В. Стасов скептически предположил, что Добрыня выступает как замена Кришны: «Похождения нашего Добрыни — это не что иное, как те же самые рассказы (только урезанные и сокращённые), которые посвящены описанию походов Кришны в особой индийской поэме, известной под именем “Гариванза”» [32, с. 645]. О. Ф. Миллер подробно исследовал этот образ в основном с позиций мифологического направления (Добрыня ассоциируется у него с солнцем [21, с. 438]. В полемике с В. В. Стасовым он заявил: «Наш Добрыня, подобно другому нашему змеборцу, Алёше..., подобно мифической основе Егорья и Тирона, попадает в общеарийский круг змеборцев, как равный к равным, как брат к родным братьям, а вовсе не как дитя к родителям. Индийские змеборцы могут ещё, пожалуй, называться старшими братьями, но никак не более» [21, с. 436]. В его труде образ Добрыни обрёл национальную окраску и стал рассматриваться преимущественно в свете теории самозарождения (мифологических) сюжетов. Г. Н. Потанин, заявляя, что продолжает труд [22, с. 115], начатый В. В. Стасовым, искал аналогии былинным сюжетам в буддийских, тибетских, тюркских и монгольских сказаниях, считая Добрыню максимально близким к образу Гэсэр-хана. По его мнению, три сюжета былин: «о Добрыне и Маринке», «Женитьба Алёши», «Добрыня и змей» — имеют прямые соответствия в песнях о Гэсэре. Ему удалось показать сходство описанной в эпосе социальной практики, но у каждого из представленных им примеров есть нюансы, не укладывающиеся в схему былинного сюжета. В любой былине он видел сходство с эпосом о Гэсэре, пренебрегая различиями, считая их несущественными. Итогом его публикации примеров сходства русского и тюрко-монгольского эпического комплекса можно считать тот факт, что отрицать влияние восточных эпических преданий на былины стало невозможно.

И. Н. Жданов почти не фокусировал внимания на образе богатыря как уникальной личности: в его работе есть попытки хронологической привязки, основанные на сходстве былинного описания поручения Добрыне собрать дань «за прошлые годы» с упоминанием посольства к Константину Мономаху [12, с. 137]. Учёный указывал на множество аналогов героическому поведению в западном эпосе (Сага о Роберте и пр.), обращая внимание на типовой (или бродячий) характер описания их действий: «Совершенно сходные выражения встречаются в целом ряде памятников нашей народной словесности» [12, с. 374]. Одним из первых он поднял вопрос даже не о литературном влиянии на эпос (как это сделал, например, Г. Н. Потанин, указывавший на то, что песни о Гэсэре печатаются в Пекине и ходят по рукам в Монголии в виде бумажных изданий), а о взаимовлиянии эпоса и литературы [11, с. 61].

А. Н. Веселовский рассматривал образ Добрыни в тесной связи с летописными известиями. По его мнению, образ сложился до 1223 г.: «Позже Калкацкого побоища имени Алёши и Добрыни не появляются в летописи» [5, с. 276]. Образ Добрыни он полагал связанным с изображением в эпосе Змея Горыныча и Маринки [5, с. 374–375]. Н. П. Дашкевич [9], тоже на основании летописных известий, считал Добрыню и Алёшу исторически существовавшими, но исторической привязки не делал. Его историографический обзор показывает шаткость исторической основы в былинах при соотношении богатырей с определённым временем. Он указывал на возможность объединения деяний разновременных героев под одним богатырским именем и наличие их аналогий сюжету о женитьбе Алёши (на жене Добрыни) в западном эпосе. М. Г. Халанский соглашался с тем, что в основе образа Добрыни лежали исторически достоверные прототипы: «В виду довольно определённых указаний тверской летописи на Тимонию-Золотой пояс, храбра, товарища Олеси Поповича; в виду того, что та же личность в Никоновской летописи называется Добрыня Рязанич-Золотой пояс, я присоединяюсь к мнению гг. Буслаева, Майкова и др., что в былевом Добрыне Никитиче, племянничке князя Володимира, соединены два образа: киевского Добрыни, дяди Владимира и какого-то северно-русского, местного, рязанского богатыря, может быть, Тимони. Произошла взаимная ассимиляция эпических сказаний: рязанский храбор привлёкся к Владимиру и породнился с ним; киевский сподвижник Владимира получил местную, рязанскую окраску...» [34, с. 42].

В работах В. Ф. Миллера [19, с. 143–165] нет однозначной трактовки этого персонажа, но есть ссылки на иранский (кавказский) эпос как источник сюжета с участием Добрыни (Урызмага, Ашик-Кериба) [20, с. 22–25]. Автор указывает на черты XVII в. в былине о Добрыне и Маринке, при этом называя как русского прототипа богатыря-свата дядю Владимира I Святого (X–XI вв.), но предлагал выделять в рамках образа Добрыни образ Змеборца, Свата и т. д. А. В. Марков также считал, что

былины о Добрыне «появились в разное время и в различных областях» [17, с. 65]. Он полагал, что описание детства Добрыни Никитича относится к биографии Добрыни Рязанича (Золотого пояса (первая четверть XIII в.)) а содержание былины связано с агиографической византийской литературой, крещением Руси и борьбой с язычеством [17, с. 91].

И. П. Созонович составил мнение о Добрыне при изучении мотива о возвращении мужа после долгого отсутствия: «Классический сюжет, прошедший чрез западно-европейские литературы, отразившийся в народной поэзии почти всех народов Европы и чрез посредство европейской же среды получивший своё отражение в русском былинном эпосе» [31, с. 266]. В его работе представлен корректный историографический обзор проблемы. Он указывает на несогласие с точками зрения М. Г. Халанского («будто в основе известных былин лежит рассказ про неверность жены») и В. Ф. Миллера («будто прототипом их оказывается восточный оригинал») [31, с. 263–267]. И. П. Созонович, вслед за Н. Ф. Сумцовым, образ Добрыни (или Дубровича) связывает с песнями о польском герое Домброве (Ясе) [31, с. 518], считая это свидетельством польского влияния. В отличие от предшественников, анализировавших непосредственно текст, И. П. Созонович исследовал «фабулу», в его трактовке означающую не столько сюжет, сколько структуру текста и её особенности. Он отмечал сходства былины о Добрыне с сербскими, польскими, итальянскими и немецкими песнями, работая в рамках мозаичного метода. Ему удалось показать, что международный характер мотива — это продукт взаимного и неоднократного влияния культур европейских народов, что касается также и книжно-лубочных произведений (о Бове и др.).

А. П. Скафтымов, попытавшийся пересмотреть методiku изучения былин, одним из первых заметил наслоения в рамках сюжета о Добрыне и Змее: «В своём общем составе былинная традиция в похождениях Добрыни со змеем Горынищем знает два приключения: 1) боевую встречу во время купания Добрыни и 2) добывание Добрынею утащенной Змеем племянницы (сестры) Владимира (Забавы Путятичны). В очень немногих вариантах эти два эпизода живут отдельно и законченно, в большинстве же случаев оба эпизода взаимно смешиваются и превращаются в один» [29, с. 139]. Он заявил об усложнённости былины сказочными мотивами, указав на сходство, разночтения и особенности. «Волшебное значение» плети, о которой упоминал А. П. Скафтымов [29, с. 142], можно понять исходя из сопоставления с этнографическими материалами, согласно которым *плеть* передавалась на свадьбе тестем зятю как символ власти отца над дочерью и мужа над женой. Мнение его современника, В. Я. Проппа, уделявшего особое внимание сказочным мотивам, можно назвать «идеологически выдержанным»: в его трудах трудно понять, где кончается вынужденный реверанс перед государственной политикой и начинаются научные рассуждения: «Столкновение двух идеологий в старых сюжетах подлежит подробному изучению. Такое изучение может быть названо историческим. Змей, который раньше похищал женщин, теперь не только похищает женщин, но полонит русских людей, киевлян. Герой уже освобождает не девушку, а Киев от налётов змея. Таков сюжет русской былины о змееборце Добрыне в свете сравнительных данных. Это только один из многочисленных возможных примеров. Из всего этого совершенно очевидно, что датировать такие былины нельзя. Они рождены не в один день или час или год, их возникновение есть результат длительного исторического процесса. Если, таким образом, Майков ошибся, относя возникновение эпоса к X–XII вв., то в установлении исторических реалий он всё же был прав. Эпос, попадая в новую историческую обстановку, впитывает её в себя. Процесс впитывания продолжается и позже. Эпос подобен таким слоям земли, в которых имеются отложения различных геологических эпох» [23, с. 124]. Добрыня, по его мнению, — реликт догосударственного периода, персонаж, переработанный в эпоху Киевской Руси. Попытки аллегорического толкования сюжета, наподобие змееборчества, как крещения Новгорода, он оценивал скептически, возмущаясь «натяжками», против которых протестовал ещё А. П. Скафтымов [23, с. 124–125]. При этом В. Я. Пропп не заметил, что начал себе противоречить. После логичного заявления о том, что «Былина возникает на исторической почве, она её отражает...» [23, с. 127] — далее в его рассуждениях появляются те же натяжки, против которых он ранее выражал возмущение: «...но активное изображение текущей исторической действительности, текущих событий не входит в художественные задачи былины, не соответствует её эстетике и поэтике. Постановка вопроса об изображении исторической действительности, правомерная для жанра преданий и для исторических песен, неправомерна для былин» [23, с. 127]. Оценивая опыт создания новин о Сталине, Ленине и др., можно сказать, что выразился учёный пусть неуклюже, но по сути верно: речь идёт не о «художественных задачах» (былина — это функциональное явление, она отражает действительность, «историческую почву»), а ско-

рее всего — об «изобразительных средствах» былин, не соответствующих этой «почве», т. е. той «эстетике и поэтике», которыми отразить новую действительность было невозможно.

Некоторые тезисы В. Я. Проппа и вовсе неотразимы: «Но как представить себе участников таких событий, как передача силы Святогора Илье Муромцу? Здесь действуют только два человека — кто же из них сложил былинку? Какие свидетели могли видеть, а, следовательно, и воспеть пляску морского царя на дне моря под игру Садко на гусях?» [23, с. 127]. В. Я. Пропп поднял вопрос о значении домысла в былине. Обстановка могла реконструироваться по аналогии: благо события были типичными, а поведение героев — известным, с характерным для них, индивидуальным «почерком». Элементы домысла (реконструкции, моделирования события) в былинах есть, и нельзя их игнорировать. Но на основе какой «исторической почвы» (социальной практики) сюжет домисливался или переосмысливался? В отношении былин о Добрыне (Змееборце) В. Я. Пропп выдвинул идею их изучения на основе выявления «народного замысла»: «Сопоставляя варианты, мы видим, что ни один из них не содержит всех возможных звеньев повествования. Так, в одних нет упоминания о смерти отца, в других не говорится о том, что Добрыня получает тщательное воспитание, не всегда выезд Добрыни сопровождается увещаниями матери и т. д. Получается, что совокупность сопоставляемых текстов всегда полнее каждого из текстов в отдельности. Может ли так получаемая картина иметь научное значение? Строго говоря, рисуя полную картину сюжета, исследователь даёт картину, не подтверждаемую (за редкими исключениями) ни одной конкретной записью. И тем не менее дать такую картину совершенно необходимо, и задача эта научно оправдана. Это не “архетип”, не “основная редакция”, не “сводный вариант”, — это раскрытие народного замысла во всей его художественной цельности» [24, с. 23]. Однако, начав «за здравие», он тут же закончил «за упокой»: «Более правильный путь к разрешению проблем, связанных с изучением этой былины, намечен Белинским. Белинского прежде всего интересует художественный замысел былины, т. е. та сторона эпоса, которая полностью игнорировалась всей буржуазной русской наукой» [24, с. 137]. «Народный замысел» не равнозначен «художественному замыслу», здесь в суждении В. Я. Проппа появляется смысловая подмена: опираясь на авторитет В. Г. Белинского, он был вынужден защищать его взгляды, как свои. «Народный замысел», предстаёт как совокупность социальной практики, связанной с тем или иным персонажем, художественный — как лишённый связи с исторической реальностью идеал: «Только после того, как будет решён вопрос о замысле, об идее этой песни, могут найти правильное решение и другие вопросы, которые не была в состоянии разрешить наука: о степени историчности этой былины, о её художественной форме, о её отношении к эпосу других народов и т. д.» [24, с. 138].

В том, что складывание былины — длительный процесс, меняющий её состав, В. Я. Пропп прав, но, вместо выявления следов разновременной практики (народного замысла), он предложил считать такой замысел исключительно художественным, т. е. не связанным с исторической реальностью. Отказ от толкования реалий, которые со временем стали восприниматься как «сказочные», с лёгкой руки Е. М. Мелетинского, писавшего о «добавлении архаических мотивов к исторической легенде» и предположившего, что в числе таких сюжетов может оказаться былина о Добрыне [18, с. 73], привёл к утрате понимания сюжета о змееборстве Добрыни в целом. Если не знать законов физики, мир кажется волшебным. Если не понимать традиционных иносказаний, кеннингов, то текст превращается в сказку либо в абсурдный набор слов.

Большинство исследователей предпочитали буквальное толкование текста. Д. С. Лихачев, в частности, полагал, что Добрыня имел реальный исторический прототип — «Добрыня — дядя Владимира, но в то же время и брат рабыни» [15, с. 59]. Для него это был обобщённый образ богатыря «из народа» в княжеской среде. Похоже воспринимали героя и остальные учёные, ссылаясь, в основном, на В. Ф. Миллера и критикуя его склонность считать Добрыню аристократом. Для Б. А. Рыбакова, также пытавшегося отождествить былинного Добрыню Никитича с летописным Добрыней Малковичем, тёмных мест былин не было. Его трактовки археологических находок и летописей можно принимать во внимание как версии, имеющие право на существование, но с осторожностью и неизбежными оговорками, в силу специфики материала. По мнению Б. А. Рыбакова, весь комплекс былин о Добрыне укладывается в период с 980-го по 988 г. Он не отрицал поздних влияний на былинные сюжеты с участием Добрыни, но считал возможным «выделить хронологическую канву первичных былин» [26, с. 77]. Как отделить «первичные» былины от «вторичных», он не указал. Понимая уязвимость своей позиции: «Конечно, эта детальная периодизация внутри одного цикла никогда не может быть доказана с полной неопровержимостью во всех своих звеньях, т. к. ряд былин дошёл до нас со

следами позднейших переделок и дополнений» [26, с. 77], Б. А. Рыбаков, считал невозможным согласиться с В. Я. Проппом, заявлявшим, что основой сюжета о Добрыне было сватовство, поиски жены [26, с. 69]. Обвиняя оппонента, что тот «уводит былинку о победе над Змеем в... малодоступную для изучения архаическую эпоху» [26, с. 69], Б. А. Рыбаков попытался оставить за данным сюжетом конкретно-историческое поле.

Однако так ли неправ В. Я. Пропп? Справедливо заявляя о типичности сюжетов сватовства, он видел лишь часть общей картины социальной практики, отражённой в былинах. Отдельно существуют сюжеты о женитьбе Добрыни, сватовстве Добрыни и Дуная для князя Владимира, о сватовстве к Маринке и женитьбе на ней. Иными словами, сватовство и женитьбу можно считать лейтмотивом былин о Добрыне, если брать их в комплексе, но если разобрать сюжет на составляющие, то ситуация уже не кажется простой. Сюжет о Добрыне (и Змее) включает несколько слоёв, каждый из которых отражает эпоху, мировоззрение, социальную практику. Подвиг Добрыни заключается то в опасном купании, то в освобождении полона, то в возвращении княжеской племянницы, то в победе над Змеем/Змеёй, то в граничащем по смыслу со сватовством братании со Змеем/Змеёй (бросание шапки в Змею напоминает обычай бросания шапки в невесту (у ряда народностей Кавказа). Победа над Змеем и возвращение девушки очень похожи на сюжет о Георгии Победоносце и, вероятно, могут быть вариантом былинки, появившимся после крещения. Сватовство изначально не было также значением сюжета, поскольку оно наслаивается на героическое купание Добрыни в Пучай-реке — «пучине». Хоботы Змея могут оказаться течениями в днепровских порогах, способными «обжечь» холодом, победить богатыря и т. п. Таким образом, сюжет о Добрыне и Змее **появился до периода**, описанного Б. А. Рыбаковым, **и не сводится только к богатырскому сватовству**, которое В. Я. Пропп предполагал основным содержанием этой былинки.

В постсоветское время отметим посвящённые теме работы Л. П. Гекман [6], С. В. Горюнкова [8], А. Г. Игумнова [13], В. В. Долгова [10], Т. В. Тадевосян [33], Г. В. Рыльского [27], И. П. Черноусовой [35].

Формат статьи не всегда достаточен, чтобы адекватно отразить мнение авторов. В частности, Г. В. Рыльский, изучая «смыслообраз» Добрыни, пришёл к интереснейшему наблюдению: «Возможно, наличие красного цвета в облике богатыря делает его равновеликим Змею» [28, с. 15]. Т. В. Тадевосян считает, что в былинах есть отражение каннибализма, т. к. герой распарывает грудь жены, чтобы вытащить оттуда «ретиво сердце» [33, с. 104]. Здесь возможно неправильное понимание процесса: герой обычно хочет не «вытащить», а «посмотреть» сердце и печень противника, это ближе к гадине, чем к каннибализму (следы которого есть в русских сказках с участием Бабы-Яги, но не в былинах). Л. П. Гекман, базируясь на реконструкции мифа, предложенной В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым, пришла к выводу о ритуальном характере сюжета о Добрыне и Змее: «Нам представляется, что исследуемая былина не только воспроизводит социальные потрясения времени правления князя Владимира Святославича (замещение бога, почитаемого всей Русью, богом, покровителем княжеской дружины, или, что точнее, более древнего полифункционального бога — богом-громовником), но и имеет ритуальный характер: аллегорическое воспроизведение богоборчества в его функциональном, утилитарном аспекте» [6, с. 331].

Из массы средних по качеству и значению исследований, в основном повторяющих извечные полемические тезисы В. Я. Проппа и Б. А. Рыбакова, отдельно остановимся на работе В. В. Долгова, который, в т. ч. на примере Добрыни, выделил наличие двух подвигов у богатырей: «Кандидат в богатырское братство является на двор к князю, совершив к тому времени что-нибудь замечательное по своему почину по дороге в Киев. Там уже сам Владимир даёт какое-нибудь задание, исполнением которого новичок доказывает, что он действительно богатырь. То есть в былинах, чтобы войти в богатырскую дружину, как правило, требуется совершить два подвига» [10, с. 18]. Это наблюдение показывает функциональность подвига для социальной практики — первый подвиг как повод для приглашения в дружину (социальное признание, начало адаптации); второй определяет место в самой дружине (социальный статус).

Подводя итог краткому обзору, можно сказать, что исключительно «ритуальным», эстетически ценным, текст становится только если утрачивается его смысл. Перспективы изучения былин есть, но лишь при условии учёта социальной составляющей текста. Любая трактовка иносказаний и аллегорий должна основываться либо на этнографических, либо на исторических данных. В былинах есть слои, не позволяющие однозначно детерминировать сюжеты: для этого нужны реконструкция кон-

текста, выявление (разновременных) напластований и их отдельная интерпретация. Но игнорирование исторических реалий и этнической социальной практики при исследовании былин приводит к вырыванию информации из контекста «слоя» и, как следствие, к эклектичной реконструкции. Интерпретация былин в духе любой авторской концепции, не основанной на изучении указанной социальной практики, приводит к замещению и утрате смыслового наполнения. Это похоже на создание «новин» о Сталине, Ленине и прочих советских героях сказителями в 1930-е гг. — вроде бы богатырский образ героя и сохранён, но эффект не тот: персонаж не вызывает доверия, поскольку социальный антураж не соответствует контексту.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков К. С. Богатыри князя Владимира по русским песням // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. 384 с.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других народов. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1868. Т. 2. 802 с.
3. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб.: Общественная польза, 1861. Т. 1. 662 с.
4. Буслаев Ф. И. Русские народные песни, собранные П. И. Якушкиным // Академические школы в русском литературоведении / отв. ред. П. А. Николаев. М.: Наука, 1975. 516 с. С. 86.
5. Веселовский А. Н. Южнорусские былины. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1881. Приложение к Т. 39 записок имп. академии наук. № 5. 494 с.
6. Гекман Л. П. «Из тёмных глубин забвенья» (К вопросу о трансформации восточнославянского мифа о Перуне и Велесе на материале былины «Добрыня и Змей») // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 1 (26). С. 328–331.
7. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1873. 732 с.
8. Горюнков С. В. Незнакомая Древняя Русь, или Как изучать язык былин. 2-е изд. СПб.: Алетей, 2010. 232 с.
9. Дашкевич Н. П. Былины об Алёше Поповиче и о том, как не осталось на Руси богатырей. Киев, Университетская типография (В. И. Завадского), 1883. 77 с.
10. Долгов В. В. Русский героический эпос как источник реконструкции элементов сознания народа Древней Руси XI–XIII веков: к вопросу об эпической картине социального быта // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. № 15 (116). С. 15–22.
11. Жданов И. Н. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев: Унив. тип. (И. Завадского), 1881. 266 с.
12. Жданов И. Н. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. I–V. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1895. 631 с.
13. Изумнов А. Г. Эмпирическое начало в архитектонике былины // Вестн. Чит. гос. ун-та. 2010. №1 (58). С. 88–93.
14. Козловский С. В. Древняя Русь в зеркале былинной традиции: гендер, сакральность и социальные практики в русском эпосе. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 512 с.
15. Лихачёв Д. С. Эпическое время русских былин // Сб. статей к 70-летию Б. Д. Грекова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 375 с.
16. Майков Л. Н. О былинах Владимирова цикла. СПб.: Тип. Деп. внеш. торг., 1863. 142 с.
17. Марков А. В. Из истории русского былевого эпоса. М.: Скоропечатня А. А. Левенсона, 1907. Вып. II. 92 с.
18. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. М.: Издательский центр Рос. гос. гуманитар. ун-та (РГГУ), 2001. 168 с.
19. Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. I–XVI. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1897. 464 с.
20. Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. I–VIII. М.: Тип. Т-ва Кушнерев и К^о: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1892. 232 с.
21. Миллер О. Ф. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса: Илья Муромец и богатырство киевское. СПб.: тип. Н. Н. Михайлова, 1869. 895 с.
22. Потанин Г. Н. Монгольское сказание о Гэсэр-хане (по вопросу о происхождении русских былин) // Вестник Европы 1890. Т. 5. Сент. С. 121–158.
23. Пропт В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 325 с.
24. Пропт В. Я. Собрание трудов. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 636 с.
25. Пузанов В. В. Проблема типологии начальной русской государственности // Мавродинские чтения 2018: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. Проф. Владимира Васильевича Мавродина / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: «Нестор-История», 2018. С. 226–229.
26. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд. АН СССР, 1963. 361 с.

27. *Рыльский Г. В.* Былина «Добрыня и Змей» как социокультурный феномен // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. С. 137–139.
28. *Рыльский Г. В.* Трансформация былинных героев в культурной динамике (на материале отечественной анимации): автореф. дис. ... канд. культ. наук. М., 2011. 22 с.
29. *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин. М.; Саратов: Книгоиздательство В. З. Яконова, 1924. 319 с.
30. *Смирнов Ю. И. Смолицкий В. Г.* Былины о Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче // Добрыня Никитич и Алёша Попович / отв. ред. Э. В. Померанцева. М.: Наука, 1974. 448 с.
31. *Созонович И. П.* К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию: Исслед. И. Созоновича, проф. Варш. ун-та. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1898. 568 с.
32. *Стасов В. В.* Происхождение русских былин // Вестник Европы. 1868. Т. 1. Кн. 2. С. 637–608.
33. *Тадеев Т. В.* Человеческие жертвоприношения и каннибализм (на материале нартского эпоса и русских былин) // Вестн. Сев.-Вост. федерал. ун-та им. М. К. Аммосова: Сер. Эпосоведение. 2018. № 1 (9). С. 100–107.
34. *Халанский М. Г.* Великорусские былины Киевского цикла. Варшава: Тип. М. Зенкевича, 1885. 236 с.
35. *Черноусова И. П.* Былинная картина мира в призме культурных кодов (на материале былины Добрыня и Змей) // Лингвофольклористика. 2016. № 23. С. 3–11.

Поступила в редакцию 13.03.2019

Козловский Степан Викторович, кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии
ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия»
426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, 11
E-mail: svk7878@mail.ru

S.V. Kozlovsky

**DOBRYNYA NIKITICH AND HIS TIME:
HISTORIOGRAPHY AND PROSPECTS OF STUDYING THE IMAGE OF THE EPIC HERO**

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-565-573

Historical memory in texts and practices manifests itself ambiguously. It is not always possible to believe even written sources. Epic tradition was lucky – there are many versions of epic texts that have passed the test of time, eliminated all that was considered implausible. But the epics also experienced the negative influence of time, which manifested itself in the addition, rethinking, loss of certain parts of the text. Therefore, their historical study is impossible without reconstruction, the definition of texts on the time of appearance and connection with the social practice of the corresponding period. There is a gap between the epics and Chronicles, reflecting the difference in the perception of events, but they are connected by a common social practice, historical entourage, able to show the belonging of the epics to a certain time and space. The era's entourage is most connected with the image of the hero. The article considers the attempts and prospects of studying the epic era on the example of the image of Dobrynya Nikitich.

Keywords: epics, social practice, historiography, image of the hero.

REFERENCES

1. *Aksakov K. S.* Bogatyri knyazy Vladimira po russkim pesnyam [Heroes of Prince Vladimir at the Russian songs]. Aksakov, K. S. Aksakov, I. S. Literary criticism. Moscow, Sovremennik Publ., 1981. 384 p. (In Russian).
2. *Afanasiev A. N.* Poeticheskiye vozreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh narodov [Poetic views of the Slavs on nature: the experience of comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with mythical tales of other peoples]. Moscow, K. Soldatenkova Publ., 1868, vol. 2, 802 p. (In Russian).
3. *Buslaev F. I.* Istoricheskiye ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva [Historical essays of Russian folk literature and art.]. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., 1861, vol. 1, 662 p. (In Russian).
4. *Buslaev F. I.* Russkiye narodnyye pesni, sobrannyye P. I. Yakushkinym [Russian folk songs collected by P. I. Yakushkin]. Akademicheskkiye shkoly v russkom literaturovedenii [Academic schools in Russian literature]. Resp. ed. by P. A. Nikolaev. Moscow, Nauka Publ., 1975, 516 p., p. 86. (In Russian).
5. *Veselovsky A. N.* Yuzhnorusskiye byliny [South Russian epics.]. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk, Publ., 1881, Application to vol. 39 notes of imp. Academy of Sciences, № 5, 494 p. (In Russian).
6. *Gekman L. P.* "Iz temnykh glubin zabven'ya" (K voprosu o transformatsii vostochnoslavianskogo mifa o Perune i Velese na materiale byliny "Dobrynya i Zmey") ["From the dark depths of oblivion" (On the transformation of the

- East Slavic myth of Perun and Veles on the material of the epic “Dobrynya and Snakes”). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2011, no. 1 (26), pp. 328–331. (In Russian).
7. *Gil'ferding A. F.* Onezhskiye byliny zapisannyye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 g. [Onega bylinas rec. by A. F. Gil'ferding in the summer of 1871]. St. Petersburg, tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1873, 732 p. (In Russian).
 8. *Goryunkov S. V.* Neznakomaya Drevnyaya Rus', ili Kak izuchat' yazyk bylin [Unfamiliar old Russia, or How to learn the language of epics]. St. Petersburg, Alethea Publ., 2010, 232 p. (In Russian).
 9. *Dashkevich N. P.* Byliny ob Aleshe Popoviche i o tom, kak ne ostalos' na Rusi bogatyrey [Epics about Alyosha Popovich and how there were no heroes in Russia]. Kiev, Universitetskaya tipografiya (V. I. Zavadskogo) Publ., 1883, 77 p. (In Russian).
 10. *Dolgov V. V.* Russkiy geroicheskiy epos kak istochnik rekonstruktsii elementov soznaniya naroda Drevney Rusi XI–XIII vekov: k voprosu ob epicheskoj kartine sotsial'nogo byta [Russian heroic epic as a source of reconstruction of elements of consciousness of the people of Ancient Russia of 11–13 centuries: to a question of an epic picture of social life]. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archaeology], 2008, no. 15 (116), pp. 15–22. (In Russian).
 11. *Zhdanov I. N.* K literaturnoy istorii russkoy bylevoy poezii [To the literary history of Russian bygone poetry]. Kiev, Univ. tip. (I. Zavadskogo) Publ., 1881, 266 p. (In Russian).
 12. *Zhdanov I. N.* Russkiy bylevoy epos. Issledovaniya i materialy. I–V [Russian epic. Research and materials. I–V]. St. Petersburg, Izdaniye L. F. Panteleyeva Publ., 1895, 631 p. (In Russian).
 13. *Igunnov A. G.* Empiricheskoye nachalo v arkhitektonike byliny [Empirical beginning in the architectonics of epic]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chita State University], 2010, no. 1 (58), pp. 88–93. (In Russian).
 14. *Kozlovsky S. V.* Drevnyaya Rus' v zerkale bylinnoy traditsii: gender, sakral'nost' i sotsial'nyye praktiki v russkom epose [Old Russia in the mirror of the epic tradition: gender, sacredness and social practices in the Russian epic]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2017, 512 p. (In Russian).
 15. *Likhachev D. S.* Epicheskoye vremya russkikh bylin [Epic time of Russian epics]. *Sbornik statey k 70-letiyu B. D. Grekova* [Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of B. D. Grekov]. Moscow, Akad. nauk SSSR Publ., 1952, 375 p. (In Russian).
 16. *Maikov L. N.* O bylinakh Vladimirova tsikla [The epics Vladimirova cycle]. St. Petersburg, Tip. Dep. Vnesh. Torg. Publ., 1863, 142 p. (In Russian).
 17. *Markov A. V.* Iz istorii russkogo bylevogo eposa [From the history of Russian epics]. Moscow, Skoropechatnya A. A. Levensona Publ., 1907, issue II, 92 p. (In Russian).
 18. *Meletinsky E. M.* Ot mifa k literature [From myth to literature]. Moscow, Russian state Humanitarian University Press, 2001, 168 p. (In Russian).
 19. *Miller V. F.* Ocherki russkoy narodnoy slovesnosti. Byliny. I–XVI [Essays on Russian folk literature. Bylinas. 1–16]. Moscow, Tip. T-va I. D. Sytina Publ., 1897, 464 p. (In Russian).
 20. *Miller V. F.* Ekskursy v oblast' russkogo narodnogo eposa. I–III [Excursions into the field of Russian folk epic. 1–8]. Moscow, Tip. T-va Kushnerev i K^o: T-vo skoropech. A. A. Levenson Publ., 1892, 232 p. (In Russian).
 21. *Miller O. F.* Sravnitel'no-kriticheskiye nablyudeniya nad sloyevym sostavom narodnogo russkogo eposa: Il'ya Muromets i bogatyrstvo kiyevskoye [comparative and critical observations on composition of layers of Russian folk epic: Ilya Muromets and epic heroes of Kiev]. St. Petersburg, Tip. N. N. Mikhaylova Publ., 1869, 895 p. (In Russian).
 22. *Potanin G. N.* Mongol'skoye skazaniye o Geser-khane (po voprosu o proiskhozhdenii russkikh bylin) [Mongolian legend of Geser Khan (on the origin of Russian epics)]. *Vestnik Yevropy* [Bulletin of Europe], 1890, vol. 5, September, pp. 121–158 (In Russian).
 23. *Propp V. Y.* Fol'klor i deystvitel'nost' [Folklore and reality]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 325 p. (In Russian).
 24. *Propp V. Y.* Sobraniye trudov. Russkiy geroicheskiy epos [Collected works. Russian heroic epic]. Moscow, Labyrinth Publ., 1999, 636 p. (In Russian).
 25. *Puzanov V. V.* Problema tipologii nachal'noy russkoy gosudarstvennosti [The Problem of the initial typology of Russian statehood]. *Mavrodin Readings 2018. All-Russian scientific conference, devoted to 110-anniversary from birthday of Professor V. V. Mavrodin. Under the editorship of A. Y. Dvornichenko.* St. Petersburg, “Nestor-Istoriya” Publ., 2018, pp. 226–229. (In Russian).
 26. *Rybakov B. A.* Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi [Old Rus. Sagas. Bylinas. Chronicles]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1963, 361 p. (In Russian).
 27. *Rylsky G. V.* Bylina “Dobrynya i Zmey” kak sotsiokul'turnyy fenomen [Bylina “Dobrynya and Snakes” as a socio-cultural phenomenon]. *Theory and practice of social development*, 2011, no. 1, pp. 137–139. (In Russian).
 28. *Rylsky G. V.* Transformatsiya bylinnykh geroyev v kul'turnoy dinamike (na materiale otechestvennoy animatsii) [Transformation of epic heroes in cultural dynamics (by the material of Russian animation): autoref. dis. kand. cult. sciences]. Moscow, 2011, 22 p. (In Russian).
 29. *Skaftymov A. P.* Poetika i genezis bylin [Poetics and Genesis epics]. Saratov, V. Z. Yaksonov Publ., 1924, 319 p. (In Russian).

30. Smirnov Y. I. Smolitskiy V. G. Byliny o Dobryne Nikitiche i Aleshe Popoviche. Dobrynya Nikitich i Alesha Popovich [Bylina about Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich. Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 448 p. (In Russian).
31. Sozonovich I. P. K voprosu o zapadnom vliyaniy na slavyanskuyu i russkuyu poeziyu: Issledovaniye I. Sozonovicha, professora Varshavskogo universiteta [To the question of the Western influence on Slavic and Russian poetry: Research by I. Sozonovich, professor at the University of Warsaw]. Warsaw, Tip. Varsh. ucheb. okr. Publ., 1898, 568 p. (In Russian).
32. Stasov V. V. Proiskhozhdeniye russkikh bylin [The Origin of Russian epics]. Vestnik Yevropy [Bulletin of Europe], 1868, vol. 1, book 2, pp. 637–608. (In Russian).
33. Tadevosyan T. V. Chelovecheskiye zhertvoprinosheniya i kannibalizm (na materiale nartskogo eposa i russkikh bylin) [Human sacrifices and cannibalism (on the material of the Nart epos and Russian epics)]. Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: seriya epicheskikh issledovaniy [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov: a Series of Epic studies], 2018, no. 1 (9), pp. 100–107. (In Russian).
34. Khalansky M. G. Velikorusskiye byliny Kiyevskogo tsikla [Great Russian epics of the Kiev cycle]. Warsaw, Tip. M. Zenkevicha Publ., 1885, 236 p. (In Russian).
35. Chernousova I. P. Bylinnaya kartina mira v prizme kul'turnykh kodov (na materiale byliny Dobrynya i Zmey). [Epic picture of the world in the prism of cultural codes (on the material of the byliny Dobrynya and Snakes)]. Lingvofol'kloristika [Linguistic folkloristics], 2016, no. 23, pp. 3–11. (In Russian).

Received 13.03.2019

Kozlovsky S.V., Candidate of History, Associate Professor at Department of Russian History,
Sociology and Political Science
Izhevsk State Agricultural Academy
Studencheskaya st., 11, Izhevsk, Russia, 426069
E-mail: svk7878@mail.ru